

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Беспокойство

Аркадий и Борис Стругацкие
Беспокойство

«Наследник Стругацких»

«Автор»

1990

Стругацкие А.

Беспокойство / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1990

«Беспокойство» – первая, очень отличающаяся от «канонической», версия «Улитки на склоне», которую братья Стругацкие называли «самым странным своим произведением».

© Стругацкие А., 1990
© Наследник Стругацких, 1990
© Автор, 1990

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ

БЕСПОКОЙСТВО

(УЛИТКА НА СКЛОНЕ – 1)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена, как огромная, на весь мир, рыхлая губка, как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и поросло грубым мхом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло – никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

– Так это вы гремели сегодня у меня под окнами, – сказал Турнен.

Леонид Андреевич скосил глаз и увидел ноги Турнена в мягких сандалиях.

– Доброе утро, Тойво, – сказал он. – Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

– Кошмар, – сказал он. – Как вы можете так сидеть?

– Как?

– Да вот так. Здесь два километра. – Турнен присел на корточки. – Даже дух захватило, – сказал он.

Леонид Андреевич нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени.

– Не знаю, – сказал он. – Понимаете, Тойво, я человек вообще боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь... Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко надеялся, что вы выйдете...

– А босиком почему? – спросил Турнен. – Так надо?

– Иначе нельзя. Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. – Он снова поглядел вниз. – Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком...

Он бросил камушек и сел по-турецки.

– Да не шевелитесь вы, ради бога, – сказал Турнен нервно. – И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно.

Леонид Андреевич послушно отодвинулся.

– Ровно в семь, – сообщил он, – под утесом выступает туман. А ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

– Это не туман, – сказал Турнен сквозь зубы.

– Я знаю, – сказал Леонид Андреевич. – Вы скоро уезжаете?

– Нет, – сказал Турнен сквозь зубы. – Мы уезжаем не скоро. Мы уезжаем через два дня. Через – два – дня... – сказал он с расстановкой. – Повторить?

– Сегодня я спросил вас в первый раз, – кротко сказал Леонид Андреевич.

– И больше не спрашивайте, – сказал Турнен. – Хотя бы сегодня.

– Не буду, – сказал Леонид Андреевич.

Турнен посмотрел на него.

– Я надеюсь, вы не обиделись?

– Ну что вы, Тойво...

– А вы тоже не любите охоту?

– Терпеть я ее не могу.

Турнен опустил глаза.

– Что бы вы делали на моем месте? – спросил он.

– На вашем месте? Ну что бы я делал... Ходил бы за женой по лесу и носил бы ее... этот... ружье... и разные огнеприпасы.

– А вам не кажется, что это было бы глупо?

– Зато спокойно. Мне нравится, когда спокойно.

Турнен поджал губы и покачал головой.

– Она не выносит, когда я таскаюсь следом. Она раздражается, нервничает, все время промахивается. И егеря злятся... Так что я предпочитаю оставаться. В конце концов, можно представить себе, что это даже полезно... Здоровое волнение, этакое взбадривание...

– Действительно, – сказал Леонид Андреевич, – как это мне сразу не пришло в голову? Все эти наши страхи – просто нормальная функция застоявшегося воображения... Ведь что такое этот лес? А?

– Да, – сказал Турнен. – Что он, собственно, такое?

– Ну, тахорги... Ну, туман, который, правда, не туман... Смешно!

– Какие-то там блуждающие болота, – проговорил Турнен, усмехаясь.

– Насекомые! – сказал Леонид Андреевич и поднял палец. – Вот насекомые – это действительно неприятно.

– Ну, разве что насекомые...

– Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся.

– Слушайте, Горбовский, – сказал Турнен, – почему-то, когда я разговариваю с вами, мне всегда кажется, что вы надо мною издеваетесь.

Леонид Андреевич поднял брови.

– Странно, – сказал он. – Честное слово, я действительно думаю, что мы с вами напрасно беспокоимся.

Они помолчали.

– Я беспокоюсь о своей жене, – сказал Турнен. – А вот о чем беспокоитесь вы, Горбовский?

– Я? Кто вам сказал, что я беспокоюсь?

– Вы все время говорите «мы с вами»...

– А-а... Ну, это просто... Вы только не подумайте, что я тоже беспокоюсь за вашу жену. Если бы вы видели, как она на двести шагов...

– Я видел, – сказал Турнен.

– И я тоже видел. Поэтому я несколько за нее не беспокоюсь.

Он замолчал. Турнен подождал немного и спросил:

– Все?

– Что – все?

– Больше вы ничего мне не скажете?

– Н-ничего.

– Тогда пойдемте завтракать, – сказал Турнен, поднимаясь.

Леонид Андреевич тоже поднялся и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.

– Ох, – сказал Турнен. – Да отойдите же вы от края!

– Уже все, – сказал Леонид Андреевич, притопывая. – Сейчас отойду.

Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозное кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

- Хотите бросить камушек? – сказал он, не оборачиваясь.
- Что?
- Бросьте туда камушек.
- Зачем?
- Я хочу посмотреть.

Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и, размахнувшись, швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.

– Я еще мог бы напомнить вам, – сказал Леонид Андреевич, – что с нею Вадим Сартаков, а это самый опытный егерь на базе.

Турнен все смотрел на него.

- А ищейку настраивал сам Поль, а это значит...
- Все это я помню, – сказал Турнен. – Я спрашивал вас совсем не об этом.
- Правда? – сказал Горбовский. – Значит, я вас неправильно понял.

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан двумя толстыми красными пальцами. На месте Риты почему-то расположился тот молодой человек с громким голосом, что был вчера на спортивном корабле, и Турнен сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от своей тарелки, и резал на тарелке кусочек сухого хлеба – пополам и еще раз пополам, и еще раз пополам...

– Или, например, Ларни, – сказал Алик, взбалтывая в стакане остатки сока. – Он видел треугольный пруд, в котором купались русалки.

– Русалки! – сказал новичок с восторгом. – Превосходно!

– Да-да, самые обыкновенные русалки. Вы не смейтесь, Марио. Я же вам говорю, что наш лес немножечко не похож на ваши сады. Русалки были зеленые и необычайно красивые, они плескались в воде... Только у Ларни не было времени ими заниматься, у него истекал срок биоблокады, но он говорит, что запомнил их смех на всю жизнь. Он говорит, что это было как громкий комариный звон.

– А может быть, это и был комариный звон? – предположил Марио.

– У нас все может быть, – сказал Алик.

– И может быть, биоблокада к тому времени у него уже ослабела?

– Может быть, – охотно согласился Алик. – Он вернулся совсем больной. Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам и неоднократно. Это выглядит так. Огромное дерево срывается с места и перепрыгивает шагов на двадцать.

– И не падает при этом?

– Один раз упало, но сейчас же поднялось, – сказал Алик.

– Великолепно! Вы просто прелесть! Ну а зачем же они скачут?

– Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие деревья плюют в прохожего едким соком пополам с семенами, третьи еще что-нибудь... Вот в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь возле него, а вы отправляетесь точно на восток и в трех километрах трехстах семидесяти двух метрах находите второе такое же дерево. И вот когда я режу ножом свое дерево, ваше дерево вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так. – Алик показал руками, как топорщится дерево.

– Понимаю! – воскликнул Марио. – Они растут из одного корня.

– Нет, – сказал Алик, – просто они чувствуют друг друга на расстоянии. Фитотелепатия. Слыхали?

– А как же, – сказал Марио.

– Да, – сказал Алик лениво, – кто об этом не слышал... Но вот чего вы, наверное, не слышали, так это что в лесу есть еще люди, кроме нас. Их видел Курода. Он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

– У него тоже кончалась биоблокада?

– Нет, просто он любит приврать. Не то что я, скажем, или вы. Правда, Тойво?

– Нет, – сказал Турнен, не поднимая глаз. – Вранья вообще не бывает. Все, что выдуманно, – возможно.

– В том числе и русалки? – спросил Марио. Видимо, он подумал, что его мрачный сосед тоже наконец решил пошутить.

Турнен посмотрел на него. По лицу его было видно, что шутить он не собирается.

– Я их вижу, – сказал он. – И треугольный пруд. И туман, и зеленую луну. Все это я вижу так отчетливо, что могу описать во всех подробностях. Для меня это и есть критерий реальности, и он не хуже любого другого.

Марио неуверенно улыбнулся. Он все еще надеялся, что Турнен шутит.

– Превосходная мысль, – сказал он. – Отныне нам не нужны лаборатории. Субэлектронные структуры? Я вижу их. Могу описать, если хотите. Они так и переливаются. И треугольно-зеленые.

– Мне лаборатории не нужны уже давно, – произнес Турнен. – Они, по-моему, вообще никому не нужны. Вряд ли они помогут вам представить субэлектронные структуры.

Лицо Марио утратило готовность к веселью. Обнаружилось, что глаза у него совсем не детские.

– Я – физик, – сказал он. – Я легко представляю себе субэлектронные структуры без фигур и цветов.

– И что же дальше? – сказал Турнен. – Ведь я тоже могу представить себе эти структуры. И еще многое такое, для чего вы пока не придумали закорючек, значков и греческих букв.

– Ваши представления, может быть, и годятся для вашего личного употребления, но беда в том, что на них далеко не уедешь.

– На представлениях давно уже никто не ездит. Не вижу, чем мои представления хуже ваших.

– На представлениях физики вы приехали сюда и уедете отсюда, а ваши представления годятся только для застольных парадоксов.

– Я мог бы вам напомнить, что идея деритринитации возникла тоже из застольного парадокса. Да и все идеи возникли из застольных парадоксов. Все фундаментальные идеи выдумываются, и вы это прекрасно знаете. Они не висят на концах логических цепочек. Но дело ведь даже не в этом. Что дальше? Ну не смог бы я прилететь сюда. И что? Ведь я не увидел здесь ничего такого, чего не мог бы представить себе, сидя дома.

Леонид Андреевич не стал слушать, что там отвечает физик. Он посмотрел на Алика. Инженер-водитель тосковал. Просто встать и уйти ему, наверное, было неловко, наверное, он боялся, что это будет выглядеть демонстративно. Спор же ему был до одурения скучен. Сначала он порывался встрянуть и направить беседу в другое русло и даже сказал: «Между прочим, в прошлом году...» Потом съел кусочек маринованной миноги. Потом сотворил из салфетки кораблик. Потом с надеждой взглянул на часы, но нужное ему время еще, по-видимому, не пришло. И не то чтобы спор ему был непонятен, он слышал тысячи таких споров – и когда сидел, обливаясь потом, за рулем вездехода, идущего через заросли, и здесь в столовой, и в мастерских Базы, и даже на танцевальной веранде. Просто все это было ему бесконечно чуждо. Он любил конкретности своего времени: ощущение микронных зазоров на кончиках пальцев, спокойный и правильный гул могучих двигателей, блеск приборов в качающейся кабине. И он всю жизнь с кротким недоумением следил за тем, как эти конкретности теряют смысл на Земле, оттесняются на периферию Большой Жизни, уходят на далекие дикие планеты, и он

отступал и уходил вместе с ними, любя их по-прежнему, но постепенно теряя уверенность в их (и своей) нужности, потому что если на этих диких мирах и нельзя обойтись без его искусства и его вездеходов, то люди, кажется, намереваются обойтись без самих этих миров. Таких, как инженер-водитель Алик Кутнов, было много, гарнизоны инопланетных баз комплектовались теперь в основном из них. Это были очень способные люди (неспособных людей вообще не бывает), но области приложения их способностей неумолимо уходили в прошлое, и большинству Аликов еще предстояло понять это и искать выход.

– Вы безобразно самоуверенны, – говорил Турнен. – Вы воображаете, что оседлали наконец историю человечества. Но вы никак не можете понять, что не нужны никому, кроме самих себя, и не нужны уже давно...

– Человечество тоже никому не нужно, кроме самого себя. Вы ничего не утверждаете, вы только отрицаете...

Алик Кутнов мастерил второй кораблик. С мачтой.

В том-то и беда. Человечество никогда никому не было нужно, кроме самого себя. Да и самому себе оно стало нужным не так уж давно. А дальше? Дальше была равнина, и по равнине пролегали широкие дороги, и петляли едва заметные тропинки, и все они вели за горизонт, а горизонт скрывала мгла, и не видно было, что в этой мгле. Может быть, все та же равнина, может быть, гора. А может быть, и наоборот. И не видно было, какие дороги сузятся в тропинки и какие тропинки расширятся в дороги...

– Алик, – сказал Леонид Андреевич, – что вы делаете, когда по незнакомой дороге вы подъезжаете к незнакомому лесу?

– Снижаю скорость и повышаю внимание, – ответил Алик не задумываясь.

Леонид Андреевич посмотрел на него с восхищением.

– Вы молодец, – сказал он. – Все бы так.

– Да, – оживился Алик. – Вот в прошлом году...

Снизить скорость и повысить внимание. Очень точно сказано. А за рулем восседает молодой широкоплечий парень, ему весело мчаться по прямой дороге, а лес все ближе, и парню кажется, что вот там-то и есть самое интересное, и он влетает в лес на полной скорости, не потрудившись узнать, по-прежнему ли пряма дорога в лесу, или она обернулась там тропинкой, или оборвалась болотом.

– ...И после этого, – сказал Алик, – мы больше туда никогда не ездили. – Он посмотрел на часы. – Вот теперь я пойду, – сказал он.

– И я тоже, – сказал Леонид Андреевич.

Физик посмотрел на них незрячими глазами, не переставая говорить. Турнен опять резал хлеб.

Когда они вышли из столовой, Леонид Андреевич спросил Алика:

– Неужели все, что вы говорили этому физику, – выдумка?

– А что я ему говорил?

– Про русалок, про чешуйчатых людей...

Алик ухмыльнулся.

– Да как вам сказать... По-моему, все это вранье. Куроде никто не верит, а Ларни болел... Да вы сами, Леонид Андреевич, бывали в лесу. Ну какие там могут быть люди? И тем более русалки...

– Я так и подумал, – сказал Леонид Андреевич.

Кабинет Поля Гнедых, директора Базы и начальника Службы индивидуальной безопасности, находился на самом верхнем ярусе Базы. Леонид Андреевич поднялся к нему на эскалаторе.

Кабинет Поля с экранами и селекторами межзвездной, планетной и внутренней связи, с фильмотеками, с информарием, с планетографическими картами олицетворял на Пандоре то же, что здание Всемирного совета – на Земле: здесь было сосредоточено управление планетой. Но в отличие от Всемирного совета директор Базы реально мог управлять только ничтожным кусочком территории своей планеты, крошечным каменным архипелагом в океане леса, покрывавшего континент. Лес не только не подчинялся Базе, он противостоял ей со всеми ее миллионами лошадиных сил, с ее вездеходами, дирижаблями и вертолетами, с ее вирусософами и дезинтеграторами. Собственно, он даже не противостоял. Он просто не замечал Базы.

– Иногда мне хочется взорвать там что-нибудь, – сказал Поль, глядя в окно.

– Где именно? – сейчас же спросил Леонид Андреевич.

– В самой середине.

– Тогда бы мы даже не увидели взрыва, – сказал Леонид Андреевич. – А уехать вам отсюда иногда не хочется?

– Иногда хочется, – сказал Поль. – Когда много туристов. Когда на всех не хватает егерея и они начинают бунтовать и требовать права на самообслуживание.

– Вы им не разрешайте, – попросил Леонид Андреевич. – Я вот тут пошел без егеря, чуть не заблудился.

– Знаю, – мрачно сказал Поль. – А почему вы не берете с собой карабина, когда выходите, Леонид Андреевич?

– Какого карабина?

– Любого!

Леонид Андреевич поморгал.

– Боюсь, – сказал он.

– Не понимаю.

– Боюсь, – пояснил Леонид Андреевич. – Вдруг выстрелит.

– Ну?

– Ну и попадет в кого-нибудь...

Некоторое время Поль смотрел на него. Потом вынул из шкафа свой карабин и подошел к Леониду Андреевичу.

– Вот здесь в прикладе, – сказал он терпеливо, – встроен маленький радиопередатчик. Где бы вы ни находились...

– Да нет, я это знаю... – сказал Леонид Андреевич.

– Так в чем же дело?

– Хорошо. – Леонид Андреевич взял карабин и отсоединил приклад. – Так? – спросил он. – Теперь я буду брать эту деревяшку с собой. Буду носить ее в своем... ядг... ядг... в охотничьей сумке. – Он вставил приклад на место и вернул карабин Полю. – Вы довольны, Поль?

Поль пожал плечами.

– Не понимаю. Вы что – кокетничаете?

– Нет, – сказал Леонид Андреевич. – Я капризничаю.

– Когда мы с Атосом писали о вас сочинение... это было очень много лет назад... мы изображали вас совсем не таким.

– А каким же? – спросил польщенный Леонид Андреевич.

– Вы были велик. У вас горели глаза...

– Всегда?

– Практически всегда.

– А когда я спал?

– В наших сочинениях вы никогда не спали. Вы вели корабль сквозь магнитные бури, сквозь бешеные атмосферы. Руки у вас были как сталь, и вы были стремительны...

– Так я и сейчас такой! – вскричал Леонид Андреевич. – Где здесь корабль?

Он вскочил, выхватил у Поля карабин, приложился, прищулив один глаз, и закричал:

– Тра-та-та-та!..

Потом он опустил карабин и спросил:

– Ну как?

– Не то, – сказал Польш, безнадежно махнув рукой. – Интеллекта нет.

– Очень мне нужен интеллект, – обиженно сказал Леонид Андреевич.

Он снова лег в кресло и спросил:

– Я вам не мешаю?

– Нет, – сказал Польш, пряча карабин в шкаф. – Я только все удивляюсь: что вы у нас на Базе делаете?

– А вы никому не расскажете? – спросил Леонид Андреевич.

– Если не хотите, нет, не расскажу.

– Я ухаживаю, – сказал Леонид Андреевич.

Польш сел.

– Это за кем же? – спросил он. – Неужели за Ритой Сергеевной?

– А что, заметно?

– Да есть такое мнение.

– Так вот я не за ней ухаживаю, – оскорбленно сказал Леонид Андреевич. – Я ухаживаю совершенно за другой женщиной. Она уже давно улетела.

– Ага, – сказал Польш. – А вы, значит, остались на медовый месяц.

– Вы циничны, – сказал Леонид Андреевич. – Мы никогда не пойдем друг друга. Расскажите лучше, что сегодня новенького.

– Рита Сергеевна застрелила тахорга, – сказал Польш значительно.

– Молодец. А еще?

– На вверенной мне Базе за истекшие сутки ничего не случилось, все в порядке, недостатка ни в чем не испытываем, – сказал Польш.

– А на базах, которые вам не вверены?

– Какие имеются в виду?

– Земля, например. Или, скажем, Радуга.

– На Земле тоже недостатка ни в чем не испытывают. Испытывают избыток. А на Радуге... Знаете что, Леонид Андреевич, сводки уже в типографии, через полчаса прочтете сами.

– Нет, – сказал Леонид Андреевич. – Я хочу узнать что-нибудь первым. Ведь вы же про меня сочинение писали, Польш. Расскажите мне что-нибудь особенное. Чего нет в сводках.

– Вас интересуют сплетни? – осведомился Польш.

– Очень, – сказал Леонид Андреевич.

– Жаль. Сплетен у меня нет. По Д-связи сплетен не передают. По Д-связи нынче передают черт знает что.

Леонид Андреевич сейчас же вытащил записную книжку и приготовил авторучку.

– Нет, серьезно, – продолжал Польш. – Сегодня ночью вдруг прервали передачу ядерного прогноза и выдали нам какую-то шифровку на имя Мостепаненко. Без имени адресанта. Это уже третий случай. На прошлой неделе была шифровка некоему Герострату, а на позапрошлой – Пеккелису. На мой запрос не ответили. Идиотство какое-то.

– Да, – сказал Леонид Андреевич. – Но зато интересно.

Он нарисовал в записной книжке женскую головку и написал под ней печатными буквами: ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО...

– Герострат... – сказал он. – Какой же это Герострат? Не тот ли? Вообще в свете современной физической теории вполне можно предположить...

– Кто-то идет, – сказал Польш, и Леонид Андреевич замолчал.

В кабинет вбежал человек.

Леонид Андреевич не знал его, но было видно, что этот человек из леса и что он взволнован, и Леонид Андреевич сел прямо и сунул записную книжку в карман.

– Связь! – сказал человек, задыхаясь. – Когда будет связь, Польш?

Он был в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками молодых побегов, правая нога была опутана оранжевой плетью лианы, волочащейся по полу, и казалось, что это щупальце самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно, через коридоры управления, вниз по эскалатору, мимо ангара и мастерских, и снова вниз по эскалатору, и через аэродром, к обрыву, к башне лифта, но не в лифт, а мимо, вниз...

– Выйди отсюда, – сердито сказал Польш.

– Ты ничего не понимаешь, – задыхаясь, сказал человек. Лицо его было в красных и белых пятнах, глаза выкачены. – Когда будет связь?

– Курода! – железным голосом сказал Польш. – Выйдите вон и приведите себя в порядок! Курода остановился.

– Польш, – сказал он и сделал странное движение головой, словно у него чесалась шея. – Честное слово, мне срочно нужно!

Леонид Андреевич снова лег. Польш подошел к Куроде, взял его за плечи и повернул лицом к двери.

– Формалист, – сказал Курода плаксиво. – Бюрократ.

– Стой, не двигайся, – сказал Польш. – Шляпа! Дай пакет.

Куроде снова сделал странное движение головой, и Леонид Андреевич увидел на его тощей подбритой шее, в самой ямочке под затылком, коротенький бледно-розовый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащий, как от жадности.

– Что там, опять подхватил? – спросил Курода и полез в нагрудный карман. – Нет у меня пакета... Слушай, Польш, ты мне можешь сказать, когда будет связь?

Польш что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал длинными пальцами, безглаголиво оскалившись и бормоча что-то неласковое.

– Стой смирно, – прикрикнул он. – Не дергайся! Ну что ты за шляпа!

– Вы поймали чешуйчатого человека? – спросил Леонид Андреевич.

– Чепуха! – сказал Курода. – Я не говорил, что эти люди были чешуйчатые... Польш, ты скоро? Это надо послать им в первую очередь! Ай!

– Все, – сказал Польш. Он отошел от Куроды и бросил что-то полуживое, корчащееся, окровавленное в диспенсер. – Немедленно к врачу. Связь в семь вечера.

Лицо Куроды вытянулось.

– Попроси экстренный сеанс! – сказал он. – Ну что это такое – ждать до семи вечера?

– Хорошо, хорошо, иди, потом поговорим.

Куроде неохотно пошел к двери, демонстративно волоча ноги. Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол. Когда он вышел, Польш сказал:

– Обнаглели. Вы представить себе не можете, Леонид Андреевич, до чего мы все обнаглели. Никто ничего не боится. Как дома. Поиграл в садике – и к маме на коленки, прямо как есть, в земле и песочке. Мама вымоет...

– Да, обнаглели немножко, – негромко проговорил Леонид Андреевич. – Я рад, что вы это замечаете.

Польш Гнедых не слушал. Он смотрел в окно, как Курода сбегает по эскалатору, волоча за собой обрывок лианы.

– Похож на Атоса, – сказал он вдруг. – Только Атос, конечно, никогда не пришел бы в таком виде. Вы помните Атоса, Леонид Андреевич? Он писал мне, что когда-то работал с вами.

– Да, на Владиславе. Атос-Сидоров.

– Он погиб, – сказал Поль, не оборачиваясь. – Давно уже. Где-то вон там... Жалко, что он вам не понравился.

Леонид Андреевич промолчал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Атос проснулся и сразу подумал: «Послезавтра мы уходим». И сейчас же в другом углу Нава зашевелилась на своей постели и спросила:

– Когда ты уходишь?

– Не знаю, – ответил он. – Скоро.

Он открыл глаза и уставился в низкий, покрытый известковыми натеками потолок. По потолку опять шли муравьи. Они двигались двумя ровными колоннами. Слева направо двигались нагруженные, справа налево шли порожняком. Месяц назад было наоборот. И через месяц будет наоборот, если им не укажут делать что-нибудь другое. Месяц назад я тоже проснулся и подумал, что послезавтра мы уходим, и никуда мы не ушли, и еще когда-то, задолго до этого, я проснулся и тоже подумал, что послезавтра мы уходим, и мы, конечно, не ушли, но если мы не уйдем послезавтра, я уйду один. Впрочем, и так я уже думал раньше, но теперь-то уж я обязательно уйду.

– А когда – скоро? – спросила Нава.

– Очень скоро, – ответил он.

– Получилось так, – сказала Нава, – что мертвяки вели нас ночью, а ночью они плохо видят, это тебе всякий скажет, вот хотя бы Горбун, хотя он не здешний, он из деревни, что по соседству с моей, и ты его знать не можешь, получилось так, что в его деревне все заросло грибами, а это не всякому нравится, мой отец, например, ушел из своей деревни, а он сказал, что Одержание произошло и в деревне теперь делать людям нечего... Так вот, луны тогда не было, и они все сбились в кучу, и стало жарко – не продохнуть...

Атос посмотрел на нее. Она лежала на спине, закинув руки за голову и положив ногу на ногу, и не шевелилась, только двигались губы и время от времени вспыхивали в полутьме глаза. Когда вошел старик, она не перестала говорить, а старик подсел к столу, придвинул горшок и стал есть. Тогда Атос поднялся и обтер с тела ладонями ночной пот. Старик чавкал и брызгал. Атос отобрал у него горшок и молча протянул его Наве, чтобы она замолчала. Старик обсосал губы и сказал:

– Невкусно. К кому ни придеешь, везде невкусно. Тропинка эта заросла совсем, где я тогда ходил, а я ходил много, и на дрессировку, и просто выкупаться, я в те времена часто купался, там было озеро, а теперь там болото, и ходить стало опасно, но кто-то все равно ходит, потому что иначе откуда там столько утопленников? И тростник. Я любого могу спросить: откуда там в тростнике тропинки? Никто не может этого знать, да и не следует. Только там уже не сеять. А сеяли, потому что нужно было для Одержания, и все везли на глиняную поляну, теперь-то тоже возят, но там не оставляют, а привозят обратно, я говорил, что нельзя, но они и не понимают, что это такое – нельзя, староста меня прямо при всех спросил: почему нельзя? Я ему говорю, как же ты можешь при всех спрашивать, почему нельзя? Отец у него был умнейший человек, а может, он и не отец ему вовсе, некоторые говорили, что не отец, и вправду не похоже... Почему нельзя при всех спросить, почему нельзя?

Нава встала и протянула горшок Атосу. Атос стал есть. Старик замолчал и некоторое время смотрел на него, а потом заметил:

– Не добродила у вас еда, есть такое нельзя.

– Почему нельзя? – спросил Атос.

Старик захихикал.

– Эх ты, Молчун, – сказал он. – Ты бы уж лучше, Молчун, молчал. Ты вот лучше мне расскажи, очень это болезненно, когда голову отрезают?

– А тебе какое дело? – крикнула Нава.

– Кричит, – сообщил старик. – Покрикивает. Ни одного еще не родила, а покрикивает. Ты почему не рожает? Сколько с Молчуном живешь, а не рожает. Так поступать нельзя. А что такое «нельзя» – ты знаешь? Это значит – нежелательно, не одобряется. А поскольку не одобряется, значит, поступать так нельзя. Что можно – это еще неизвестно, а уж что нельзя, то нельзя. Это всем надлежит понимать, а тебе тем более, потому что в чужой деревне живешь, дом тебе дали, Молчуна вот в мужья пристроили. У него, может быть, голова чужая, но телом он здоровый, и рожать тебе отказываться нельзя. Вот и получается, что «нельзя» – это самое что ни на есть нежелательное. Как еще можно понимать «нельзя»? Можно и нужно понимать так, что «нельзя» – вредно...

Атос доел, поставил пустой горшок перед стариком и вышел. Дом сильно зарос за ночь, и в густой поросли видна была только тропинка, протоптанная стариком, и место у порога, где он сидел и ждал, пока они проснутся. Улицу уже расчистили, зеленый ползун толщиной в ногу, вылезший вчера из переплетения ветвей над деревней и пустивший корни перед домом соседа, был порублен, облит бродилом, потемнел и уже закис, от него остро и аппетитно пахло, и соседские ребятишки, столпившись вокруг него, рвали бурую мякоть и совали в рот сочные комки. Когда Атос проходил, один из них невнятно крикнул набитым ртом: «Молчак-Мертвяк!», но его не поддержали: были заняты. Больше на улице, оранжевой и красной от высокой травы, в которой тонули дома, сумрачной, покрытой неяркими зелеными пятнами от солнца, пробивающегося сквозь лесную кровлю, никого не было. С поля доносился нестройный хор скучных голосов: «Эй, сей веселей!.. Вправо сей, влево сей!..» В лесу откликалось эхо. А может быть, и не эхо. Может быть, мертвяки.

Колченог, конечно, сидел дома и массировал ногу.

– Садись, – сказал он Атосу приветливо. – Уходишь, значит?

– Ухожу, – сказал Атос и сел у порога. – Что, опять разболелась?

– Нога-то? Да нет, просто приятно. Гладишь ее вот так – хорошо. А когда уходишь?

– Если бы ты со мной пошел, то хоть послезавтра. Придется искать другого человека, который знает лес. Ты ведь, я вижу, идти не хочешь?

Колченог осторожно вытянул ногу и сказал задумчиво:

– Как от меня выйдешь, поворачивай налево и ступай до самого поля. По полю – мимо двух камней, сразу увидишь дорогу. Она мало заросла, потому что валунов много. Прямо по этой дороге, две деревни пройдешь, одна пустая, грибная, грибами она поросла, так там не живут, а в другой живут чудаки, через их деревню два раза синяя трава прошла, с тех пор болеют, и за той чудаковой деревней по правую руку и будет тебе твоя глиняная поляна. И никаких тебе провожатых не надо, сам дойдешь.

– До глиняной поляны мы дойдем, – согласился Атос. – А вот дальше?

– Куда дальше?

– Дальше в лес. Через болота. Где раньше озера были и проходила большая дорога.

– Это же какая дорога? До глиняной поляны? Так я тебе говорю, поверни налево, иди до поля, до двух камней...

Атос дослушал и сказал:

– До глиняной поляны я дорогу теперь знаю. Мы дойдем. Но нам нужно дальше. Я же рассказывал тебе. Мне необходимо добраться до Города. Ты говорил, что знаешь дорогу.

Колченог сочувственно покачал головой.

– До Го-о-орода... Так до Города, Молчун, не дойти. До глиняной поляны, например, это просто: мимо двух камней, через грибную деревню, через чудакову деревню, а там по правую руку и будет глиняная поляна. Или, скажем, до Тростников. Тут уж поворачивай от меня направо, через редколесье, мимо Хлебного болота, а там все время за солнцем, куда солнце, туда и ты. Трое суток идти, но если надо – пойдем. Там мы горшки добывали раньше, пока здесь свои не рассадили... Так бы и говорил, что до Тростников. Тогда и до послезавтра ждать

нечего. Завтра утром выйдем, и еды с собой брать не надо, раз там Хлебное болото. Ты, Молчун, говоришь больно мало, только начнешь прислушиваться, а ты уже и рот закрыл. А в Тростники пойдем. Завтра утром и пойдем...

Атос дослушал и сказал:

– Понимаешь, Колченог, мне не надо в Тростники. В Тростники мне не надо. Не надо мне в Тростники. (Колченог жадно слушал и кивал.) Мне надо в Город. Мы с тобой уже целый месяц об этом говорим. Я тебе вчера говорил, что мне надо в Город. Позавчера говорил, что мне надо в Город. Неделю назад говорил, что мне надо в Город. Ты сказал, что знаешь до Города дорогу, и позавчера, и неделю назад ты говорил, что знаешь до Города дорогу. Расскажи мне про дорогу до Города. Не до Тростников, а до Города. А еще лучше – пойдем до Города вместе. Не до Тростников пойдем вместе, а до Города пойдем вместе.

Атос замолчал. Колченог снова принялся оглаживать больное колено.

– Тебе, Молчун, когда голову отрезали, что-нибудь внутри повредили. Это как у меня нога. Сначала была нога ногой, самая обыкновенная. А потом шел я однажды ночью через Муравейники, нес муравьиную матку, и эта нога попала у меня в дупло, и теперь кривая. Почему кривая – никто не знает, но ходит плохо. Но до Муравейников дойду. Доведу тебя. Только не пойму, зачем ты сказал, чтобы я пищу на дорогу готовил. До Муравейников тут рукой подать. – Он посмотрел на Атоса и открыл рот. – Так тебе же не в Муравейники, – сказал он. – Тебе же в Тростники. Нет, не могу я в Тростники. Не дойду. Видишь, нога кривая. Слушай, Молчун, а почему ты так не хочешь в Муравейники? Давай пойдем в Муравейники, а? Я ведь с тех пор так и не бывал там ни разу, может, их уже и нету? Дупло то поищем, а?

Атос наклонился на бок и подкатил к себе горшок.

– Хороший горшок, – сказал он. – И не помню, где я в последний раз видел такие хорошие горшки. Так ты меня проводишь до Города? Ты говорил, что никто, кроме тебя, дорогу до Города не знает. Пойдем до Города, Колченог. Как ты думаешь, дойдем мы до Города?

– А как же? Дойдем. До Города? Конечно, дойдем. А горшки такие ты видел, я знаю где. У чудаков такие горшки. Они их, понимаешь, не выращивают, а из глины делают. У них там близко глиняная поляна, я тебе говорил, от меня сразу налево и мимо двух камней до грибной деревни. А в грибной деревне никто уже не живет. Туда и ходить не стоит. Что мы, грибов не видели, что ли... Когда у меня нога здоровая была, я никогда в эту грибную деревню не ходил, знаю только, что от них прямо за двумя оврагами чудaki живут. Да. Завтра, значит, выйдем. Слушай, Молчун, давай туда не пойдем. Не люблю я эти грибы. Понимаешь, у нас в лесу грибы – это одно. Их даже есть можно. А в той деревне они зеленые и запах от них дурной. Зачем тебе туда? Еще грибницу сюда занесешь. Пойдем лучше в Город. Только тогда завтра не выйти. Надо еду запасти. Расспросить надо про дорогу. Или ты дорогу знаешь? Если знаешь, тогда я не буду спрашивать, а то я что-то и не соображу, у кого бы это спросить. Может, у старосты? Как ты думаешь?

– А сам ты про дорогу в Город ничего не слыхал? – спросил Атос. – Ты про эту дорогу много слыхал. Ты даже один раз почти дошел до Города, только мертвяков испугался. Боялся, что один не отобьешься.

– Мертвяков я не боялся и не боюсь, – возразил Колченог. – Я тебе скажу, чего я боюсь. Как мы с тобой идти будем? Ты так все время и будешь молчать? Я ведь так не могу. Ты не обижайся на меня, Молчун, ты мне скажи, громко не хочешь говорить, так шепотом скажи. Или просто кивни. А если кивать не хочешь, так вот правый глаз у тебя в тени, ты его прикрой, я увижу. Может быть, ты все-таки немножечко мертвяк? Я ведь мертвяков не терплю. У меня от них дрожь начинается, и ничего я с собой не могу поделать.

– Нет, Колченог, я не мертвяк, – сказал Атос. – Я их сам не терплю. А если ты боишься, что я буду молчать, так мы не вдвоем пойдем, я тебе уже говорил. С нами Кулак пойдет, и Хвост, и еще несколько парней из Новой деревни.

– С Кулаком я не пойду, – решительно сказал Колченог. – Кулак у меня дочь за себя взял. И не уберег. Мне не то жалко, что он взял, а то мне жалко, что не уберег. Угнали у него дочку. Шел он с нею в Новую деревню, подстерегли его воры и дочку отобрали, а он и отдал. Нет, Молчун, с ворами шутки плохи. Если бы мы в Город пошли, от воров бы покою не было. То ли дело в Тростники! Туда можно без всяких колебаний идти. Завтра и выйдем.

– Послезавтра, – сказал Атос. – Ты пойдешь, я пойду, Кулак, Хвост и еще трое из Новой деревни. Так до самого Города и дойдем.

– Всемером дойдем, – уверенно сказал Колченог. – Один бы я не пошел, а всемером дойдем. Всемером мы до Чертовых Гор дойдем, только я дороги туда не знаю. А может, пошли до Чертовых Гор? Далеко очень, но всемером дойдем. А зачем тебе на Чертовы Горы? Слушай, Молчун, давай до Города дойдем, а там посмотрим. Пищи наберем побольше и пойдем.

– Значит, договорились, – сказал Атос и встал. – Послезавтра выходим в Город. Завтра я еще зайду к тебе.

– Заходи, заходи, – сказал Колченог. – Я бы сам к тебе зашел, да у меня нога болит. А ты заходи, поговорим. Я знаю, многие с тобой говорить не любят, но я не такой. Я...

Атос вышел на улицу и снова обтер ладонями пот. Продолжение следовало.

Кто-то хихикнул рядом и закашлялся. Атос обернулся. Из травы поднялся старик, потрепал узловатыми пальцами и сказал:

– В Город, значит, собрались. Интересно затеяли, да только до Города никто еще не доходил живым. Да и нельзя. Хоть у тебя голова и переставленная, сам понимать должен...

Атос свернул направо и пошел по улице. Старик, путаясь в траве, некоторое время плелся следом и бормотал:

– Если нельзя, то всегда в каком-нибудь смысле нельзя, в том или ином, например, нельзя без старосты или без собрания, а со старостой или с собранием можно, но опять же не в любом смысле...

Атос шел быстро, насколько позволяла влажная жара, и старец понемногу отстал. На площади Атос увидел Слухача. Слухач, кряхтя и пошатываясь, ходил кругами, расплескивая пригоршнями коричневый травобой из огромного горшка, подвешенного на животе. Травы позади него дымилась и жухла на глазах. Атос попытался его миновать, но Слухач так ловко изменил траекторию, что столкнулся с ним нос к носу.

– А, Молчун! – радостно закричал он, торопливо снимая с шеи ремень и ставя горшок на землю. – Куда идешь, Молчун? Домой небось идешь, к Наве, дело молодое, а не знаешь ты, Молчун, что Навы твоей дома нету, Нава твоя на поле, своими глазами видел, как Нава на поле пошла, хочешь верь, хочешь не верь... Может, конечно, и не на поле, дело молодое, да только пошла твоя Нава, Молчун, по во-он тому переулку, а по тому переулку, кроме как на поле, никуда не выйдешь, да и куда ей, спрашивается, идти, твоей Наве, тебя, Молчуна, может, разве искать...

Атос снова попытался его обойти и снова оказался с ним нос к носу.

– Да и не ходи ты за ней на поле, – продолжал Слухач убедительно, – зачем тебе за нею ходить, когда я вот сейчас траву побью и всех сюда зазову, потому что землемер сказал, что ему староста велел, чтобы он сказал мне на площади траву побить, потому что скоро будет собрание, а как будет собрание, так все сюда с поля придут, и Нава твоя придет, если она на поле пошла, а куда ей еще по тому переулку идти, хотя, если подумать, то по тому переулку и не только на поле попасть можно...

Он вдруг замолчал и судорожно вздохнул. Глаза его выкатились, руки как бы сами собой поднялись ладонями вверх. Атос приостановился. Мутное лиловатое облачко возникло возле лица Слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо чужим металлическим голосом с чужими интонациями, чужим диковинным стилем и даже, кажется, на чужом языке, так что понятными были только отдельные фразы.

– На фронте южных земель в битву вступают новые... отодвигается все дальше на юг... победного передвижения... Большое разрыхление почвы на северном направлении ненадолго прекращено из-за редких кое-где... Новые приемы заболачивания дают новые обширные места для покоя и нового передвижения на... Во всех деревнях... большие победы... усилия... новые отряды подруг... завтра и навсегда спокойствие и слияние...

Подоспевший старик стоял у Атоса за плечом и приговаривал:

– Видел? Спокойствие и слияние!.. Все время твержу: нельзя! Во всех деревнях, слышал?.. Значит, и в нашей тоже. И новые отряды подруг...

Слухач замолчал и опустил на корточки. Лиловое облачко растаяло.

– О чем это я? – сказал он. – Что, передача была? Ну как там Одержание, исполняется? А на поле ты, Молчун, не ходи. Ты ведь, наверное, за своей Навой идешь...

Атос перешагнул через горшок с травобойкой и поспешно пошел прочь. Дом Кулака находился на самой окраине. Замурзанная старуха – не то мать, не то тетка – сказала, недоброжелательно фыркая, что Кулака дома нету, Кулак в поле, а если бы был в доме, то искать его в поле было бы нечего, а раз он в поле, то чего ему, Молчуну, тут зря стоять. Атос отправился на поле.

В поле сеяли. Душный стоячий воздух был пропитан крепкой смесью запахов. Разило по^отом, бродилом, гниющими злаками. Утренний урожай был уже снят и толстым слоем навален вдоль борозды. Зерно уже разлагалось. Тучи рабочих мух толклись над горшками с закваской, а в самой гуще этого черного, отсвечивающего металлом круговорота стоял староста и, наклонив голову и прищулив один глаз, внимательно изучал каплю сыворотки на ногте большого пальца. Ноготь был специальный, плоский, тщательно отполированный, до блеска отмытый нужными составами. Мимо ног старосты по борозде, в десяти шагах друг от друга, гуськом ползли сеятели. Они больше не пели, но в глубине леса все еще гукало и ахало, и теперь ясно было, что это не эхо.

Атос пошел вдоль цепи, наклоняясь и заглядывая в опущенные лица. Отыскав Кулака, он тронул его за плечо, и Кулак сразу же, ни о чем не спрашивая, вылез из борозды. Борода его была забита грязью.

– Чего, шерсть на носу, касаешься? – прохрипел он, глядя Атосу в ноги. – Один вот тоже, шерсть на носу, касался, так его взяли за руки и за ноги и на дерево закинули, там он до сих пор и висит, а когда его снимут, так больше небось касаться не будет, шерсть на носу...

– Идешь? – коротко спросил Атос.

– Еще бы не иду, когда закваски на семерых наготовил, в дом не войти, шерсть на носу, воняет, жить невозможно, как же теперь не идти – старуха выносить не хочет, а сам я на это уже глядеть не могу. Да только куда идем? Колченог вчера говорил, что в Тростники, а я в Тростники не пойду, шерсть на носу, там и людей-то в Тростниках нет, не то что девок, там если человек захочет кого за ногу взять и на дерево закинуть, шерсть на носу, так некого, а мне без девки жить больше невозможно, меня староста со свету сживет... Вон, стоит, шерсть на носу, глаза вылупил, а сам слепой, как пятка, шерсть на носу, один вот так стоял, дали ему в глаз, больше не стоит, шерсть на носу, а в Тростники я не пойду, как хочешь...

– В Город, – сказал Атос.

– В Город – другое дело, в Город я пойду, тем более, говорят, что никакого Города вообще и нету, шерсть на носу, а врет о Городе этот старый пень, придет утром, половину горшка выест и начинает, шерсть на носу, плести: то нельзя, это нельзя... Я его спрашиваю, а кто ты такой, чтобы мне запрещать, что нельзя, а что можно, шерсть на носу – не говорит, сам не знает, про Город какой-то несет...

– Выходим послезавтра, – сказал Атос.

– А чего ждать? – возмутился Кулак. – У меня в доме ночевать невозможно, закваска смердит, пошли лучше вечером, а то вот так один ждал-ждал, а ему как дали по ушам, так он и

ждать перестал, и до сих пор не ждет... И старуха ругается, житья нет, шерсть на носу, слушай, Молчун, давай старуху возьмем, может, ее воры отберут, я бы отдал, а?

– Выходим послезавтра, – терпеливо повторил Атос. – И ты молодец, что закваски приготовил много. Нам...

Он не закончил, потому что на поле закричали.

«Мертвяки! Мертвяки! – заорал староста. – Женщины, назад!» Атос огляделся. Между деревьями на краю поля стояли мертвяки: двое синих совсем близко и один желтый поодаль. Головы их с круглыми дырами глаз и с черной трещиной на месте рта медленно поворачивались из стороны в сторону, огромные руки плетью висели вдоль тела. Земля под их ступнями уже курилась, белые струйки пара мешались с сизым дымком. Мертвяки эти видали виды и поэтому держались крайне осторожно. У желтого весь правый бок был изъеден травобоем, а оба синих были испятнаны лишаями ожогов от бродила. Местами шкура на них отмерла и свисала лохмотьями. Пока они стояли и смотрели, женщины с визгом убежали в деревню, а мужчины, угрожающе и многословно бормоча, сбились в кучу с горшками травобоя наготове. Потом староста сказал: «Чего стоять? Пошли!» – и все неторопливо двинулись на мертвяков, рассыпаясь в цепь. «В глаза! – покрикивал староста. – Старайтесь в глаза им плеснуть! В глаза!» В цепи пугали: «Гу-гу-гу! А ну пошли отсюда! А-га-га-га!» – связываться никому не хотелось.

Кулак шел рядом с Атосом, выдирая из бороды засохшую грязь, и кричал громче всех, а между криками приговаривал: «Да не-ет, зря идем, шерсть на носу, не устоят они, сейчас побегут... Разве это мертвяки? Дранные какие-то, где им устоять... Гу-гу-гу! Вы!» Подойдя к мертвякам шагов на двадцать, люди остановились. Кулак бросил в желтого ком земли, мертвяк с необычайным проворством выбросил вперед широкую ладонь и отбил ком в сторону. Все снова загудело и затопали ногами, некоторые показывали мертвякам горшки и делали угрожающие движения. Травобоя было жалко, и не хотелось потом тащиться в деревню за новым бродилом, мертвяки были битые, осторожные, и должно было обойтись и так.

И обошлось. Пар и дым из-под ног мертвяков пошел гуще, они попятились. «Ну, все, – сказали в цепи. – Сейчас вывернутся...» Мертвяки неуловимо изменились, словно повернулись внутри шкуры. Не стало видно ни глаз, ни рта – они стояли спиной. Через секунду они уже уходили, мелькая между деревьями. Там, где они только что стояли, медленно оседало облако пара.

Люди, оживленно галдя, двинулись обратно к борозде. Выяснилось вдруг, что пора уже идти в деревню на собрание. «На площадь ступайте, на площадь... – повторял каждому староста. – На площади собрание будет, так что идти надо на площадь...» Атос искал глазами Хвоста, но Хвоста в толпе видно не было. Кулак, трус<и>вший рядом, говорил:

– А помнишь, Молчун, как ты на мертвяка прыгал? Как он, понимаешь, на него прыгнет, шерсть на носу, да как его за голову ухватит, обнял, как свою Наву, шерсть на носу, да как заорет... Помнишь, Молчун, как ты заорал? Обжегся, значит, ты, потом весь в волдырях ходил... Зачем же ты на него прыгал, Молчун? Один вот так на мертвяка прыгал, слупили с него кожу на брюхе, больше не прыгает, шерсть на носу, и детям прыгать закажет... Говорят, Молчун, ты на него прыгал, чтобы он тебя в Город унес, да ведь ты же не девка, чего он тебя понесет, да и Города, говорят, никакого нет, это все этот старый пень выдумывает слова разные – Город, Одержанье... А кто его, это Одержанье, видел? Слухач пьяных мух наглодается, как пойдет плести, а старый пень тут как тут, слушает, а потом ходит, жрет чужое и повторяет...

– Так послезавтра будь готов выходить, – сказал Атос. – Выйдем из Новой деревни. Если увидишь Колченога, напomini ему. Я напominiал и еще напominiать буду, но и ты тоже напomini...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.